

18-й мир Яромир

МОЗЗЕУС

Яромир Зорин

**Мозеус. Серия сборников —
Фантомы Мрака**

«Издательские решения»

Зорин Я.

Мозеус. Серия сборников — Фантомы Мрака / Я. Зорин —
«Издательские решения»,

Сборник мистических рассказов и стихов. Добро пожаловать в Мозеус — мир, пропитанный холодом, безнадежностью и липким ужасом. Здесь каждый рассказ — это ловушка для вашей нервной системы. Здесь нет места спасению, есть только осознание того, что монстры реальны, а тьма — это не просто отсутствие света, а нечто живое. Откройте «Мозеус» и убедитесь сами: некоторые вещи лучше оставлять нерассказанными. Часть рассказов была опубликована в сборнике «Энтропия».

© Зорин Я.

© Издательские решения

Содержание

1	6
Тени поместья Мор	7
2	8
Шепот за холстом	9
3	10
Танцы на краю бездны	11
4	12
Изнанка мироздания	13
5	14
Побег из поместья Мор	15
6	16
Узоры на стекле	17
7	19
Нити забытого договора	20
8	21
Архитектура безумия	22
9	24
Зеркальный лабиринт памяти	25
10	26
Финальный акт	27
Эпилог	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мозеус

Серия сборников — Фантомы Мрака

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-8851-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Тени поместья Мор

Ленор Мор никогда не хотела переезжать. Огромное, покосившееся от времени поместье её дяди, затерянное среди густых лесов и вечного тумана, казалось ей местом, где само время остановилось, чтобы гнить. Её дядя, человек пугающе замкнутый, встретил её на пороге с неестественной бледностью на лице. Но больше всего Ленор поразила странная особенность дома: в нём не было ни одного зеркала. Все отражающие поверхности были либо плотно заклеены досками, либо завешены тяжёлой, пыльной тканью. Когда она спросила об этом, дядя лишь вздрогнул, его глаза беспокойно забегали по углам, и он прошептал, что зеркала — это не просто стекло, это «двери, которые никогда не стоит открывать». Ленор не придавала этому значения, пока однажды, бродя по пыльному чердаку, не наткнулась на зеркало, забытое в дальнем углу. Оно было огромным, в тяжёлой позолоченной раме, покрытой многолетним слоем грязи. Девушка смахнула пыль рукой. В отражении она увидела не себя, а тускло освещённую комнату, в центре которой сидел он. Клоун. Его костюм выглядел так, будто его сшили из лоскутов ночного неба и засохшей крови, а грим был настолько неестественным, что казался живой, пульсирующей маской. Он медленно поднял голову и улыбнулся — улыбкой, от которой у Ленор внутри всё похолодело.

— Здравствуй, Ленор, — прошептал голос из зеркала, хотя губы клоуна не шевелились. — Меня зовут Мозеус. Ленор отпрянула, сердце бешено колотилось в груди. Она бросилась вниз, к жителям городка, надеясь найти успокоение, но когда она упомянула имя клоуна, улыбки на лицах горожан мгновенно исчезли. Старики крестились, а женщины прижимали к себе детей. Они предупреждали её дрожащими голосами: «Никогда, слышишь, никогда не говори с Мозеусом. Те, кто слушает его шутки, перестают принадлежать этому миру». Но было уже поздно. Каждую ночь Мозеус приходил к ней в снах, предлагая миры, полные чудес, и обещая избавить её от одиночества. Его голос звучал как сладкая музыка, убаюкивающая бдительность. Ленор знала, что должна бежать, но манящая пустота в глазах клоуна тянула её сильнее, чем здравый смысл. Она не знала, что Мозеус уже подготовил для неё роль в своём бесконечном, кровавом представлении, и что цена за общение с ним — это гораздо больше, чем просто её покой.

2

Шепот за холстом

Ленор почти не спала. Каждую ночь она запирала дверь спальни на засов и подпирала её тяжёлым дубовым комодом, но это не помогало. Мозеус не нуждался в дверях. Он приходил сквозь сны, просачиваясь в её сознание, как ядовитый туман. В ту ночь сон был пугающе осязаемым. Ленор стояла посреди огромного бального зала, освещённого лишь сотнями догорающих свечей. Пол был устлан чёрным бархатом, который поглощал звук её шагов. В центре зала, на троне из переплетённых человеческих костей, восседал Мозеус. На этот раз он не сидел неподвижно. Он жонглировал предметами, которые в полумраке казались человеческими сердцами — они пульсировали, оставляя в воздухе кровавые шлейфы.

— Ты пришла на репетицию, Ленор, — пропел он, не прекращая своего жуткого танца. — Зрители уже занимают места. Слышишь их дыхание?

Ленор огляделась. В пустоте зала начали проявляться силуэты. Сотни теней, лишённых лиц, неподвижно замерли в ложах. Они не аплодировали, они ждали. Воздух в зале стал густым и сладковатым, как запах гниющих цветов.

— Я не твоя марионетка, — выдохнула она, чувствуя, как реальность сна начинает трещать по швам. — Уходи из моей головы!

Клоун резко остановился. Предметы в его руках рассыпались прахом. Он сделал шаг к ней, и расстояние между ними мгновенно сократилось — он оказался так близко, что Ленор почувствовала ледяное дыхание, пахнущее пылью веков и озоном.

— Ты уже здесь, милая Ленор, — его пальцы, длинные и неестественно бледные, коснулись её щеки. Там, где он проводил, кожа начинала неметь, теряя тепло. — Ты думаешь, что дядя заколотил зеркала, чтобы спрятать *меня*? О нет. Он прятал *себя*. Он был первой актрисой в моей трупке. И знаешь, что он сделал, чтобы сбежать?

Мозеус рассмеялся, и этот звук эхом раздался не только во сне, но и в её спальне в реальности. Ленор резко открыла глаза. Сердце колотилось в горле. В комнате было темно, но в лунном свете, пробивающемся сквозь щели в заколоченном окне, она увидела нечто, от чего её кровь застыла. На стене, прямо напротив её кровати, где раньше висел старый гобелен, теперь была видна тонкая полоска света. Гобелен сполз, и под ним обнаружилось небольшое, вмурованное в стену зеркальце, которое она раньше не замечала. Оно пульсировало мягким фиолетовым светом. А внутри него, в глубине стекла, медленно разворачивался край занавеса.

— Он отдал мне свой голос, — прошептал голос из зеркальца, теперь совершенно явный, тихий, как шорох сухих листьев. — А ты, Ленор... ты отдашь мне свою улыбку. Девушка вскочила с кровати, схватив тяжёлый подсвечник, чтобы разбить проклятое стекло, но замерла. Из зеркала высунулась рука — тонкая, в перчатке из ночного неба — и приложила палец к губам. В этот момент дверь её спальни, подпертая комодом, начала медленно, с жутким скрипом, отворяться. Комод не сдвинулся, но дверь просто... начала истончаться, превращаясь в призрачную мембрану, сквозь которую в комнату вливалась темнота. Мозеус начал входить в её мир, и теперь Ленор поняла: то, что происходило в зеркале, перестало быть сном. Сценарий был написан, и занавес поднялся.

3

Танцы на краю бездны

Ленор отступила к окну, судорожно сжимая подсвечник. Дверь спальни уже не существовала — на её месте клубился густой, осязаемый мрак, из которого, словно из чернил, медленно вырисовывалась высокая, неестественно худая фигура. Мозеус шагнул в комнату. Теперь, когда он перестал быть лишь отражением, его облик вызывал приступы тошноты. Он был похож на оживший кошмар викторианского цирка: узкие плечи, длинные, как у паука, конечности и сюртук, лоскуты которого жили собственной жизнью, подрагивая, будто крылья ночных мотыльков. Его лицо, выкрашенное в ослепительно-белый, местами трескалось, обнажая под «кожей» не плоть, а бесконечную, звездную пустоту. Самым жутким были глаза — два ярких, пронзительно-желтых пятна, в которых не было ни зрачков, ни сострадания.

— Почему ты дрожишь? — прошипел клоун, делая изящный пируэт в сторону комода. — Мы же только начинаем прогон.

— Уходи! — крикнула Ленор, отчаянно пытаясь нащупать за спиной раму окна. — Я не подписывалась на твое безумие!

Она взглянула на свои руки — бледные, тонкие пальцы с дрожащими суставами, — и впервые осознала, почему она оказалась здесь, в этой богом забытой глуши. После смерти родителей, в аварии, которую полиция назвала «необъяснимой потерей управления», у неё не осталось никого. Семейное поместье Мор было последним пристанищем, куда её, сломленную долгами и одиночеством двадцатилетнюю девушку, вызвал дядя Август. Он прислал письмо, полное тревоги: *«Ленор, ты последняя из нас. Ты должна приехать, чтобы замкнуть круг, иначе тьма, что копилась поколениями, поглотит этот мир»*. Тогда она думала, что дядя просто выжил из ума от старости. Теперь она понимала: он призывал её как жертву, как замену, чтобы выкупить собственную жалкую свободу.

— «Замкнуть круг», — усмехнулся Мозеус, словно прочитав её мысли. Его желтые глаза вспыхнули ярче. — Август всегда был плохим актёром. Он предпочел запереться в подвале, питаясь крошками моей славы, лишь бы не выходить на свет рампы. Ленор, не дожидаясь продолжения, с размаху ударила подсвечником по заколоченному окну. Доски с треском подались. Она ожидала увидеть ночной сад, но вместо этого за окном была лишь бесконечная, пульсирующая пустота — небо, похожее на изнанку старого бархата, где вместо звезд висели подвешенные в воздухе театральные маски. Она поняла: поместье оторвалось от реальности. Оно больше не стояло в лесу. Оно летело сквозь лимб.

— Куда ты собралась? — голос Мозеуса раздался прямо за её ухом. Ленор резко обернулась и с силой ударила его тяжелым металлом. Подсвечник прошел сквозь клоуна, как сквозь дым, но в момент соприкосновения она услышала скрежет — словно нож по стеклу. Клоун отшатнулся, и на мгновение его грим поплыл, обнажив испуганное, человеческое лицо, искаженное гримасой боли.

— Ты... — прошептал он, и в его голосе прорезались нотки настоящей ярости. — Ты унаследовала его проклятый дар сопротивления. Ленор поняла: он не всемогущ. Он боится. Она бросилась к двери, игнорируя сгущающуюся тьму, и рванула в коридор. Ей нужно было найти дядю Августа. Если он запер Мозеуса в зеркалах, значит, он знал, как вышвырнуть эту тварь обратно в ад. Она бежала по гулким коридорам, в то время как стены поместья начали вибрировать, а полы — превращаться в зыбучие пески из сценического грима. Позади, из каждой тени, доносился залиvistый, дребезжащий смех Мозеуса:

— Беги, Ленор! Чем длиннее будет погоня, тем грандиознее выйдет финал!

4

Изнанка мироздания

Коридор, казалось, растянулся на километры. Стены поместья дышали — обои вздувались, как кожа под воздействием яда, а из трещин в потолке сочилась густая, чернильная жидкость, пахнувшая озоном и старой бумагой. Ленор бежала, едва касаясь носками туфель дощатого пола, но каждый её шаг отдавался глухим ударом барабана, разносящимся по всему дому. Она ворвалась в кабинет дяди, ожидая увидеть запертые двери, но комната оказалась пуста. Вернее, она была вывернута наизнанку: шкафы с книгами вросли в потолок, а огромный письменный стол плавился, стекая на пол густой чёрной массой.

— Дядя! — закричала она, срывая голос. В ответ — лишь тишина, пропитанная ожиданием. И тут, в самом центре кабинета, воздух начал рваться, словно ткань. Сначала появилась тонкая, вибрирующая щель, затем она расширилась, явив нечто, от чего у Ленор перехватило дыхание. Мозеус стоял посреди комнаты. Но его больше не было. Клоунский костюм — лоскуты ночи и крови — опал на пол пустой кучей тряпья. Грим, который казался маской, начал отслаиваться, сползая с лица длинными белыми лентами. То, что осталось, не имело человеческой формы. Это было существо из чистой геометрии кошмара: длинное, колышущееся веретено из сгущенной пустоты, усеянное десятками глаз, каждое из которых вращалось независимо, фокусируясь на Ленор. У него не было рта, но звук исходил прямо из его вибрирующего тела — низкий, вибрирующий гул, который заставлял кости Ленор резонировать от боли. Оно было похоже на дыру в реальности, сшитую из чужих страданий. *«Ты думала, я — шут?»* — голос не звучал в воздухе, он раздавался прямо в её черепе, скрежеща, как металл по металлу. *«Я — Свидетель. Я — эхо всего, что было забыто. Я — та самая пустота между твоими мыслями, Ленор. Твой дядя не запирает меня. Он пытался удержать границы своей реальности, пока я медленно съедал его изнутри».*

Существо подалось вперед. Его конечности, напоминавшие обломки зеркал, вонзались в паркет, превращая дерево в стекло. Ленор увидела, как в этом стекле отражаются тысячи версий её самой: Ленор плачущая, Ленор кричащая, Ленор, ставшая такой же тенью.

— Ты не существуешь, — прошептала она, пытаясь сохранить остатки рассудка, хотя её разум уже начал распадаться на куски. *«Я — единственный, кто существует здесь по-настоящему»,* — ответило оно, и его щупальце-зеркало коснулось её виска. В этот миг реальность вокруг Ленор рассыпалась, как витраж. Она увидела правду: поместье Мор не было домом. Это был „сачок“, расставленный в пространстве, чтобы ловить души, которые потеряли точку опоры. Дядя Август не был жертвой — он был „смотрителем“, который до последнего вздоха пытался скрыть, что кормят эту тварь не шутками, а памятью. Ленор почувствовала, как её собственное детство — запах бабушкиного чая, свет утреннего солнца, первый поцелуй — начинает вытягиваться из неё, впитываясь в черную субстанцию существа. Она была не просто гостем, она была его последним, самым изысканным обедом. В глубине существа, среди вращающихся глаз, она внезапно разглядела нечто знакомое. Там, замурованный в центре этой живой пустоты, бледный и почти прозрачный, сидел Август. Он не был мертв. Он был бесконечно спрессован в кристаллическую решетку существа, его губы беззвучно повторяли одну и ту же фразу, ставшую ключом ко всему: *«Имя... найди Имя... только Имя разорвет ткань...»,*

Оно больше не было клоуном. Оно было Бездной, и оно начало медленно обволакивать Ленор своим ледяным, зеркальным присутствием.

5

Побег из поместья Мор

Ленор не стала дожидаться рассвета. Оставив позади проклятый кабинет, она схватила только самое необходимое — пальто и старый кожаный саквояж с документами на дом, которые теперь казались ей вещдоками в деле против нечистой силы. Каждый шорох в коридоре заставлял её вздрагивать, ожидая увидеть бесконечные, вращающиеся глаза Бездны, но поместье хранило гробовое молчание. Она выскочила на крыльцо, когда небо начало окрашиваться в болезненно-серые тона. Лес, который раньше казался ей декорацией к фильму ужасов, теперь выглядел просто лесом, но Ленор не оглядывалась. Она бежала по узкой тропе, пока ноги не начали подкашиваться от усталости. Только когда густые ели расступились, и вдалеке показались покосившиеся крыши деревни, Ленор замедлила шаг. Она выглядела как безумная: растрепанные волосы, бледное лицо, заляпанное темной пылью, и глаза, в которых застыл немой ужас. Её заметила старушка, возившаяся в палисаднике у самой окраины леса. Это была Барбора — женщина, чьё лицо напоминало карту глубоких морщин, а руки были сухими и цепкими, как корни старого дуба. Увидев Ленор, она не испугалась, лишь внимательно посмотрела на неё, и в этом взгляде читалось странное понимание.

— Заходи, дитя, — проскрипела Барбора, даже не спрашивая, откуда она бежит. — В такую рань только тени бродят, да бедолаги вроде тебя. В доме пахло сушеными травами и жжёным воском. Барбора налила Ленор крепкого чая, от которого исходил горьковатый аромат полыни. Девушка дрожала, укутавшись в шерстяной платок, и не могла вымолвить ни слова.

— Ты из поместья Мор, верно? — тихо спросила старуха, садясь напротив. — Опять он проснулся. Твой дядя долго держал его в узде, но всему приходит конец. Ленор вздрогнула, чашка в её руках звякнула о блюдец. — Вы... вы знаете Мозеуса?

Барбора горько усмехнулась, и её глаза на мгновение затянуло белесой пеленой. — Мозеус... они называют его так теперь. А сто лет назад его звали Игнациус. Он был величайшим циркачом нашего века. Его фокусы граничили с магией: он мог заставить птиц замертво падать с небес, а людей — рыдать от счастья, лишь взглянув на его выступление. Но славы ему было мало. Он хотел бессмертия. Старушка пододвинулась ближе, её голос стал шепотом, от которого по коже Ленор побежали мурашки. — В самую темную ночь года он пришел на перекресток, где сходятся миры, и заключил сделку с тем, чье имя нельзя произносить вслух. Он продал свою душу не за золото и не за любовь, а за право быть «лицом» самой Тьмы. Он хотел, чтобы его имя помнили вечно, чтобы каждое его представление длилось вечно. Дьявол рассмеялся и дал ему желаемое. Он стер его человеческое лицо, превратив Игнациуса в куклу — вечного клоуна, который питается памятью и страхом, чтобы существовать в промежутках между ударами сердца. Барбора взяла Ленор за руку. Её кожа была ледяной. — Он — это голод, который никогда не насытится. Он не просто хочет твоей души, Ленор. Он хочет, чтобы ты стала сценой, на которой он будет выступать перед другими потерянными душами, которых он заманит в свой «цирк».

— Как мне остановить его навсегда? — спросила Ленор, чувствуя, как внутри неё начинает пульсировать тот самый холод, что остался после схватки в кабинете. Барбора медленно покачала головой, глядя в окно, где начинал подниматься туман. — Чтобы убить тень, нужно уничтожить её источник. Игнациус не ушел. Он спрятал свое настоящее, человеческое сердце где-то глубоко в корнях поместья. Пока оно бьется, он будет возвращаться. Но будь осторожна, девочка: тот, кто ищет сердце чудовища, рискует найти там свое собственное. Ленор поняла: она не сбежала. Она лишь начала самую опасную партию в своей жизни.

6

Узоры на стекле

Дом Барборы жил своей, особой жизнью. Стены его, казалось, были сложены не из дерева, а из спрессованных воспоминаний: повсюду висели связки засушенных полевых цветов, чей аромат сменялся запахом старой бумаги и влажной земли. Вместо ламп под потолком покачивались выдолбленные тыквы с прорезями, внутри которых дрожало живое пламя, отбрасывая на стены причудливые, танцующие тени. Сама Барбора была похожа на часть этого дома. Её спина, согнутая дугой, напоминала старую ветвь, а глаза, скрытые за пеленой бельма, казалось, видели не комнату, а саму ткань пространства. Её пальцы — узловатые, испачканные в чернилах и пыли — двигались с какой-то ритуальной точностью.

— Пей, — мягко сказала она, пододвигая Ленор чашку с отваром, который переливался, словно расплавленный янтарь. — Это не лекарство, а воспоминание о том, каково это — быть живой. Ленор обхватила чашку обеими руками, чувствуя, как тепло просачивается в её онемевшие пальцы. Она посмотрела на старушку, в чьем взгляде не было жалости, только глубокая, бесконечная усталость.

— Барбора, — тихо начала Ленор, — я чувствую, что теряю себя. С тех пор как я вошла в то поместье, я — будто зеркало, в котором отражается только чужой кошмар. Я боюсь, что если загляну вглубь себя, то не увижу там ничего, кроме пустоты, которую оставил после себя этот... этот клоун. Барбора медленно кивнула, отставляя в сторону прялку, с которой тянулась нить, подозрительно похожая на человеческий волос.

— Мы все боимся пустоты, дитя, — голос старухи звучал как шорох листвы. — Но ты думаешь, что твоя истинная сущность — это то, что осталось после того, как он коснулся тебя? Нет. Ты — это то, что сопротивляется. Ты — это тот первый крик, который ты издала, когда увидела его улыбку.

— Но я ведь слабая, — Ленор опустила глаза. — Я просто обычная девушка, у которой не осталось ничего, кроме долгов и старого дома. Разве я могу противостоять тому, кто продал душу вечности?

Барбора подошла к ней и бережно коснулась её подбородка. Её рука была холодной, но прикосновение — на удивление нежным.

— Быть собой — это не значит быть сильной, Ленор. Быть собой — значит позволить себе быть *настоящей*. Со своими страхами, со своими ошибками, со своей горечью. Мозеус питается масками. Он питается тем, что мы прячем от мира, пытаясь казаться «правильными» или «сильными». Как только ты принимаешь свою тьму как часть своей истории, а не как пятно на репутации, он теряет над тобой власть.

— Я так хочу просто быть Ленор, — прошептала девушка, и по её щеке скатилась слеза. — Без проклятий, без зеркал, без этого бесконечного «представления».

— И ты будешь, — ответила Барбора, глядя прямо в глаза Ленор, хотя её зрачки были мутными. — Но путь к себе часто лежит через те места, которые мы больше всего хотим забыть. Не беги от поместья. Ты не должна возвращаться туда как жертва. Ты должна вернуться туда как владелица. Это твой дом, твой род, твоя история. Ты — не гостья в этом мире, Ленор. Ты — его полноправная хозяйка, даже если твой дом построен на развалинах кошмара. Ленор почувствовала, как внутри неё — где-то в самой глубине сердца — что-то тихо щелкнуло. Этот холод, оставленный Мозеусом, начал отступать, сменяясь гулким теплом решимости. Она поняла, что Барбора права: пока она бежит, она лишь актер в чужой пьесе. Но если она примет то, что произошло — и свою боль, и свою близость к бездне — она сможет написать собственный финал.

— Завтра, — твердо сказала Ленор, глядя на танцующие тени, — я вернусь туда. Не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы закончить пьесу. Барбора лишь едва заметно

улыбнулась, и в этот момент в камине вспыхнуло ярко-синее пламя, осветив лицо старушки так, что на мгновение Ленор показалось, будто у неё нет лица, а лишь пустота, заполненная звездным светом.

— Хорошо, — шепнула Барбора. — Но помни: сцена всегда готова, вопрос лишь в том, кто держит в руках сценарий.

7

Нити забытого договора

Ночь сгустилась над лесом, превратив его в монолитную стену черноты. В доме Барборы воздух стал тяжелым, наэлектризованным. Старуха развела в центре комнаты небольшой костер, хотя в очаге уже горел огонь. Она не использовала дрова; в пламени сгорали пучки сушеной полыни, корень мандрагоры и что-то, пахнувшее как старое железо и озон.

— Встань в круг, — скомандовала Барбора. Её голос перестал быть старческим, в нём зазвучали металлические нотки, будто говорила не женщина, а сама земля. Ленор послушно шагнула в очерченный мелом круг. Барбора начала медленно обходить её, выпевая слова на языке, который казался Ленор болезненно знакомым, но лишенным грамматики — это был поток звуков, вибрирующих в такт человеческому пульсу.

— Мы не просим защиты у богов, ибо они давно оставили этот мир, — шептала Барбора, высыпая на пол горсть пепла. — Мы просим силы у того, что всегда было под ногами. У корней, у камня, у той тьмы, которая была первой. Барбора остановилась за спиной девушки. Она взяла руку Ленор и острым, как бритва, обломком обсидиана провела тонкую черту по её ладони. Кровь, яркая и горячая, упала на сухую траву, лежащую в центре круга. В этот же миг пламя костра взметнулось вверх, окрашиваясь в пронзительно-синий цвет.

— Ты — последняя из рода Мор, — торжественно провозгласила старуха, прикладывая ладонь к лбу Ленор. — Твоя кровь — это ключ. Но чтобы запереть дверь, которую открыл Игнациус, тебе нужно стать больше, чем просто плотью и костью. Барбора вытащила из-под одежды предмет, завернутый в кусок выделанной кожи. Это был не амулет и не украшение. Она развернула сверток, и Ленор увидела небольшую фигурку, вырезанную из древесины, которая казалась одновременно и живой, и окаменелой. Это было подобие человеческого сердца, пронизанное серебряными иглами, образующими сложный, геометрический узор.

— Это «Сердце Свидетеля», — голос Барборы стал сухим, как пергамент. — Когда-то этот предмет принадлежал первому из твоих предков, кто заключил пакт с пустотой, чтобы спасти свой народ от мора. Он отдал свое сердце, чтобы запереть хаос в четырех стенах. Теперь сердце вернулось к хозяйке. Барбора вложила амулет в руку Ленор. Девушка почувствовала, как фигурка пульсирует в её ладони — мерный, тяжелый стук, который сливался с её собственным сердцебиением.

— Носи его на груди, — наставляла старуха, вглядываясь в пустые глаза Ленор. — Если Мозеус попытается снова затянуть тебя в свой сон, сожми его так сильно, чтобы иглы впились в твою кожу. Боль — это единственное, что связывает нас с реальностью, когда мир вокруг начинает таять. Но помни, Ленор: это не защита, это якорь. Он удержит тебя в этом мире, но он же сделает тебя целью. Мозеус почувствует запах крови и металла. Он будет охотиться за своим сердцем, потому что без него он — лишь рассеянное эхо. Ленор надела оберег на кожаный шнурок. Фигурка, коснувшись кожи, отозвалась коротким, обжигающим уколом, словно приветствие.

— Зачем ты помогаешь мне, Барбора? — спросила Ленор, глядя на старуху, чьи черты лица в свете синего пламени стали почти прозрачными. Барбора горько усмехнулась. — Потому что однажды я уже совершила ошибку. Я была той, кто открыл Игнациусу дорогу к твоему дяде. Я думала, что он принесет нам искусство, что он развеселит эту проклятую землю. Я плачу за эту ошибку уже второе столетие. Моё время вышло, Ленор. Твоё — только начинается. Пламя костра внезапно опало, оставив после себя лишь горстку серого пепла. В доме воцарилась тишина, такая глубокая, что Ленор слышала только своё дыхание и странный, едва уловимый перестук внутри амулета. Барбора отвернулась к окну, и Ленор увидела, что за стеклом, в полной темноте сада, неподвижно стоят десятки белесых фигур, дожидаясь рассвета.

— Иди, — прошептала старуха. — В поместье тебя уже ждут.

8

Архитектура безумия

Когда Ленор переступила порог поместья Мор, дверь за её спиной не просто захлопнулась — она исчезла, оставив на своём месте гладкую, холодную стену. Дом изменился. Больше это не было жилое здание; особняк превратился в живой, пульсирующий организм, жаждущий сломать волю своей новой хозяйки. Коридор, который она помнила, растянулся в бесконечную анфиладу комнат, где каждый дверной проем вел в пространство, не подчиняющееся законам физики. Стены покрылись влажными обоями, которые шевелились, как кожа, а рисунок на них — витиеватые цветы — начал медленно распускаться, обнажая крошечные человеческие лица, шепчущие её имя.

— Ленор... мы так ждали тебя... Ленор...

Она двинулась вперед, сжимая в руке амулет. «Сердце Свидетеля» обжигало грудь, не давая сознанию окончательно утонуть в наваждении. Первым препятствием стала галерея предков. Живописные портреты на стенах пришли в движение. Граф Мор, суровый старик с пронзительным взглядом, сошел с холста, его плоская, масляная фигура обрела объем. Он преградил ей путь, размахивая шпагой, которая оставляла в воздухе черные, кровоточащие разрезы.

— Ты не достойна этого дома! — грохотал он, и его голос звучал как скрежет металла по камню. — Ты — позор рода! Ты — та, кто принесет лишь забвение!

Ленор зажмурилась, чувствуя, как стены начинают сжиматься, стремясь раздавить её. Из углов высыпали ожившие игрушки: фарфоровые куклы с выбитыми глазами, которые передвигались рывками, как сломанные механизмы. У одной из них, в рваном балетном пачке, в руках был окровавленный нож. Они обступили её плотным кольцом, выкрикивая её самые сокровенные страхи: голос матери, обвиняющий её в своей гибели, шепот дяди Августа, умоляющего о смерти, её собственные мысли о никчемности и одиночестве. Это была психологическая осада. Дом транслировал прямо в её мозг воспоминания, искаженные до неузнаваемости. Она видела, как в соседней комнате падает её машина, как она сама превращается в безликую куклу, как её имя стирается из памяти людей.

— Ты никто, — доносился отовсюду голос Мозеуса, теперь лишенный насмешки, холодный и безличный. — Ты просто пыль в театре вечности. Сдайся. Просто закрой глаза и стань частью коллекции. Пол под ногами превратился вzybучий песок. Ленор почувствовала, как её ноги начинают увязать в чем-то вязком, напоминающем засохшую краску. Картины-существа тянули к ней руки, игрушки вонзали в её ноги свои крошечные, острые пальцы. Она начала терять ориентацию. Комнаты множились, коридоры закручивались в спирали, ведущие в никуда. Зеркало, которое она должна была найти — тот самый проход к сердцу Игнациуса — постоянно меняло местоположение, мелькая за спинами монстров, дразня её своим холодным блеском. Ленор закричала, но звук утонул в безумном хохоте дома. Она была на грани. Её разум уже готов был треснуть, приняв эту ложь за истину, когда амулет на груди внезапно пульсировал с такой силой, что её пронзила острая, нестерпимая боль. *«Боль — это якорь». *

Сжав фигурку в кулаке, она позволила серебряным иглам впиться в ладонь. Горячая кровь брызнула на пол. Боль прояснила её сознание, как удар ледяной воды.

— Это нереально! — выкрикнула она, глядя прямо в глаза ожившему портрету графа. — Всё это — лишь декорации! Ты пытаешься напугать меня, чтобы я не увидела пустоту за твоими кулисами!

Она рванулась вперед, не обращая внимания на игрушек, которые впивались ей в одежду. Она шла сквозь тени, сквозь искаженные лица, сквозь саму ткань своего страха. Она знала: пока она осознает, что это игра, она остается хозяйкой сценария. Дом взвыл, стены начали осыпаться, открывая за собой истинную, пустую суть поместья Мор. Она приближалась к цели,

но знала — самое страшное ждало её впереди, когда она встретится с ним лицом к лицу в его истинном обличье.

9

Зеркальный лабиринт памяти

Ленор бежала сквозь коридор, который стремительно терял очертания. Стены пульсировали, как вены, а вместо окон появились прорезы, за которыми виднелась бесконечная, чёрная пустота — космос, где вместо звёзд плыли ошметки забытых жизней. Она знала, что зеркало, ведущее к сердцу Мозеуса, где-то рядом. Но дом решил нанести последний удар. Вдруг коридор закончился огромной залой, пол которой был выложен тысячами осколков зеркал. В каждом из них отражалась Ленор, но не та, что стояла здесь, а десятки других: Ленор-ребенок, плачущая у гроба родителей; Ленор, стоящая на краю моста; Ленор, которая уже сдалась и теперь сидит на троне из костей, с гримом на лице.

— Выбери свою правду, хозяйка, — раздался голос из всех зеркал одновременно. Это был голос её матери, голос дяди, голос её самой из прошлого. Фигуры в зеркалах начали выходить наружу. Это не были тени или монстры — это были она сама, её собственные версии, рожденные из тех решений, которые она *могла бы* принять, если бы струсилась, если бы ушла, если бы поверила в безнадежность. Они окружили её. Их руки, холодные и бледные, потянулись к её лицу, пытались снять кожу, чтобы занять её место.

— Зачем бороться? — шептали отражения. — Мы — это ты. Мы — те, кто выбрал покой. Мы — те, кто принял тьму, чтобы не чувствовать боли. Ленор задрожала. Искушение было невыносимым. Стать одной из них — значит перестать чувствовать этот проклятый холод, перестать нести ответственность за свой род, перестать быть человеком, который обречен на страдание. Она посмотрела на свои руки, израненные и окровавленные от игл амулета, и увидела, как в них проступает странное сияние — свет, который она сама в себе не замечала. Она поняла: это ловушка не на выносливость, а на самоидентификацию. Дом хотел, чтобы она поверила, что её боль — это слабость, а не суть.

— Я не выбираю покой, — сказала Ленор, и её голос эхом разнесся по залу, заставив зеркала задрожать. — Я выбираю себя. Со всей моей болью. Со всеми моими шрамами. Вы — не я. Вы — тени, которые питаются моим страхом. Она резко сжала «Сердце Свидетеля». Иглы глубоко вошли в её ладонь, и кровь, окропившая пол, вдруг вспыхнула ярким, золотым светом. Свет ударил в осколки зеркал. Отражения закричали — нечеловеческим, механическим звуком. Они начали рассыпаться в пыль, превращаясь в прах, который вихрем подхватило неведомым потоком воздуха. Зал начал рушиться. Зеркальный пол треснул, обнажая под собой... не подвал, а бесконечное небо. Ленор увидела его. В центре пустоты, парящее в воздухе, висело огромное зеркало, в котором не было отражения. Внутри него, в самом центре, билось нечто тёмно-алое, окруженное цепями, сплетенными из чистого эха. Это было сердце Игнациуса. Существо, когда-то бывшее клоуном, возникло перед ней. Оно больше не принимало форму клоуна или Бездны. Оно выглядело как искаженный силуэт самой Ленор, но без лица — лишь гладкая, зеркальная поверхность вместо головы. *«Ты уничтожишь меня, и ты исчезнешь вместе со мной», * — проскрежетал голос внутри её головы. — *«Этот дом — твоя тюрьма. Если я умру, реальность схлопнется».*

Ленор сделала шаг к зеркалу, чувствуя, как реальность вокруг неё начинает плавиться, превращаясь в сюрреалистический кошмар. Она знала, что он блефует, но также знала: он может потянуть её за собой в небытие. Она подняла амулет, который теперь светился тем же золотым светом, что и её кровь.

— Я готова заплатить за свободу, — ответила она. — Даже если она будет стоить мне всего.

10

Финальный акт

Зеркало, парящее в пустоте, вибрировало, издавая низкий, утробный гул, от которого у Ленор лопались капилляры в глазах. Зеркальное существо — её собственная изуродованная копия — занесло руку, готовясь нанести удар, но Ленор уже не дрожала. Она видела нити, связывающие монстра с домом, с каждой доской, с каждым проклятым воспоминанием.

— Ты не существуешь, Игнациус, — голос Ленор прозвучал на удивление спокойно. — Ты лишь эхо боли, которую некому было простить. Она не стала нападать на зеркального двойника. Вместо этого Ленор совершила то, чего никто из рода Мор до неё не решался сделать: она не ударила зеркало, она шагнула *в него*. В тот же миг мир перевернулся. Она оказалась внутри — в пространстве, где время было застывшей патокой. Перед ней, в центре этой вязкой тишины, пульсировало сердце. Оно не было органом из плоти. Это был сплетенный из миллионов нитей памяти сгусток — здесь были слёзы сотен людей, их страхи, их последние вздохи, их забытые мечты. Мозеус-Игнациус питал своё величие чужими жизнями. Существо бросилось следом, его зеркальные ладони тянулись к её горлу, но внутри «зеркала» оно было лишь отражением, лишённым силы. Ленор подняла «Сердце Свидетеля» — оберег, который Барбора дала ей как якорь. Но теперь она поняла истинное предназначение предмета. Это был не амулет. Это был ключ к переписыванию сценария. Она приложила амулет к пульсирующему сгустку.

— Я не уничтожу тебя, — прошептала Ленор, и её голос наполнил пустоту, становясь законом. — Я верну тебе твоё Имя. Серебряные иглы амулета вонзились в сгусток, и начался катарсис. Ленор почувствовала, как через неё проходят века. Она видела Игнациуса — не клоуна, а талантливого юношу, который любил жизнь, но испугался смерти. Она чувствовала его отчаяние, его жажду признания, которая превратилась в монструозный голод. Она прощала его. Не как хозяйка, а как та, кто понимает, что тьма — это лишь отсутствие света, а не враг. Зеркальное существо перед ней начало терять чёткие контуры. Его зеркальная поверхность треснула, и из-под неё проступило лицо — измученное, человеческое, с глазами, полными слёз. Оно смотрело на Ленор с бесконечным удивлением.

— Зачем? — выдохнуло оно.

— Чтобы пьеса закончилась, — ответила Ленор. Свет, исходящий от амулета, превратился в ослепительный вихрь. Дом Мор содрогнулся в последний раз. Стены, которые веками удерживали ужас, начали растворяться, превращаясь в обычную древесину и пыль. Ожившие картины осыпались краской, игрушки стали просто детскими безделушками. Зеркало — портал — взорвалось мириадами искр. Ленор выбросило наружу. Она упала на траву, в холодную росу утреннего леса. Над головой занимался рассвет, не серый и болезненный, а золотой и чистый. Поместье Мор... оно больше не было поместьем. Огромный особняк превратился в руины, поросшие густым плющом, сквозь которые пробивалось солнце. Никакого тумана, никакого гнёта. Она поднялась на ноги, опираясь на руки. В её ладони лежал амулет — теперь обычный кусок дерева, лишенный всякого магического пульса. Сердце Игнациуса ушло, а вместе с ним ушла и тень, нависшая над её родом. Она была одна. Но впервые за многие недели она чувствовала тишину внутри себя — не пустую и холодную, а глубокую и спокойную. Ленор обернулась на руины. Она знала, что люди в городке скоро забудут о клоуне, и что история её семьи станет лишь мрачной легендой, которую будут рассказывать у костра. И это было хорошо. Она поправила воротник пальто, глубоко вдохнула утренний лесной воздух и пошла прочь от руин. Она не знала, что ждет её впереди, но точно знала одно: больше никто не будет писать её сценарий.

Эпилог

Прошло три года. Ленор сидела на террасе небольшого дома, утопающего в цветущей глицинии, на самом краю побережья. Здесь, где океан постоянно перемалывал камни в мелкий песок, время казалось текучим и податливым, не имеющим ничего общего с неподвижным ужасом поместья Мор. На столике перед ней лежала книга — чистая, с плотными страницами из хорошей бумаги. Ленор не писала романов, но каждый вечер она записывала то, что видела за день: как меняется оттенок воды перед закатом, как кричат чайки, как пахнет разогретая солнцем хвоя. Это были простые, земные вещи, которые раньше казались ей чем-то обыденным, а теперь были бесценным доказательством её реальности. Иногда, в самые темные ночи, когда луна скрывалась за тучами, она чувствовала старый холод в кончиках пальцев. Но это больше не пугало её. Она знала, что это лишь отголосок, эхо её собственного прошлого, которое стало частью её, но потеряло право диктовать ей жизнь. Она больше не носила тот медный ключ на шее. Она спрятала его в шкатулку, которую не открывала уже давно. Однажды утром, спускаясь к пляжу, она увидела на песке нечто странное. Среди выброшенных морем ракушек и обломков дерева лежал крошечный, идеально круглый осколок зеркала. Он был таким чистым, что в нём отражалось небо — без единой трещины, без тени, без намека на искажение. Ленор замерла. Сердце пропустило удар, и на мгновение она снова почувствовала тот самый запах озона и театрального грима. Она медленно наклонилась, подняла осколок и всмотрелась в него. Там не было клоуна. Там не было Бездны. В зеркале отражалась молодая женщина с ясным, спокойным взглядом, чьи волосы были распущены по плечам, а на губах играла едва заметная, свободная улыбка. В этом отражении не было ни страха, ни груза прошлого — только человек, который наконец-то принадлежит самому себе. Ленор улыбнулась своему отражению. Она не стала бросать осколок обратно в море. Она просто положила его в карман. Мир по-прежнему был полон тайн, и в уголках сознания каждого человека всё ещё прятались тени. Но теперь она знала истину, которой её научила Барбора: тьма — это не то, что снаружи. Это то, чем ты позволяешь себе быть, когда гаснет свет. Ленор пошла дальше вдоль кромки прибоя, оставляя глубокие следы на влажном песке. Она шла вперед, и её шаги были твердыми, размеренными и абсолютно свободными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.